

СЕРГЕЙ
КОСТИН

ПАКО
АРРАЙЯ
РАМ-РАМ

Москва, 2025

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2=411.2)6-44
К72

Редактор Лев Данилкин

Костин С.

К72 Пако Аррайя. Рам-Рам : [роман] / Сергей Костин. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 560 с. — (Серия «Секретный агент»).

ISBN 978-5-00223-654-1

В Индии обнаружено тело Романа Ляхова — старого друга секретного агента Пако Аррайя, работающего под прикрытием в Нью-Йорке. Последние несколько лет бывший сотрудник советской, затем российской внешней разведки Ляхов жил в Израиле. Поэтому в поисках истины Аррайя летит сначала в Тель-Авив, а затем в Дели, чтобы вместе с напарницей Машей выяснить обстоятельства смерти друга. Аррайе и Маше известно немного — название гостиницы, в которой был убит Ляхов, и слово «очха», которое может означать все что угодно.

«Пако Аррайя. Рам-Рам» — захватывающий, наполненный яркими деталями психологический шпионский триллер в экзотическом антураже.

Вторая книга серии «Секретный агент».

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-667-1
(Серия «Секретный агент»)
ISBN 978-5-00223-654-1

© С. Костин, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕЛЬ-АВИВ

Ее первые слова, обращенные ко мне без служебной надобности, были такие:

— Мне нравится только один тип мужчин. Высокий блондин с длинными волосами, очень мускулистый, с сильными руками и узкими бедрами. Просто имей в виду.

Я, если кто со мной еще не знаком, среднего роста — метр семьдесят пять, смуглый — я же наполювину испанец, волосы у меня очень темные, почти черные, но их в мои сорок семь лет становится все меньше и меньше, так что я их стрижу совсем коротко. Культуристом меня тоже не назовешь, хотя я и стараюсь поддерживать свою телесную оболочку в форме.

Обидно? Нет, совсем — какой есть, такой есть! Я лишь пожал плечами, хотя желание зацепить меня, по-моему, было налицо. А я всего-то предложил Маше выпить чего-нибудь покрепче.

Мы с ней сидели рядом в салоне экономкласса: Маша у окна, я в проходе. Боинг израильской авиакомпании «Эль Аль» набрал высоту, и смуглая стюардесса с роскошными переливающимися, как в рекламе шампуня, волосами подкатила к нам свою тележку с напитками.

— Что будете пить?

— А что у вас есть? — проявил осмотрительность я.

— У нас есть всё!

В начале первого выпить мне обычно не хочется. Но после вчерашнего! Противоядие в виде принятого мною с утра пива радикально мое самочувствие не улучшило. Короче, сегодня в исключительном порядке рюмка была бы совсем не лишней. Однако прежде чем сделать заказ, не предусмотренный нашим контрактом с авиакомпанией, я, естественно, предложил сделать то же самое даме. Нормальный же вопрос! Вдруг она боится летать и глоток виски придется в самый раз? Тем более что мы с Машей изображаем мужа и жену, а познакомились с ней только вчера, и времени толком поговорить друг с другом у нас не было. И вот такая реакция.

С Машей мы разговаривали по-русски, так что стюардесса, пока моя спутница деликатно сообщала мне, что я никогда и не приближался к ее эталону мужской красоты, только выжидательно смотрела на нас с милой улыбкой. Она, в отличие от половины израильтян, родилась в Палестине и говорила, кроме иврита, только на английском.

Форма у бортпроводниц «Эль Аль» продумана. С одной стороны, предельно строгая: черный костюм с белой блузкой. Намек на максимальную, почти военную дисциплинированность работников компании, даже хакиды против такой цветовой гаммы не стали бы возражать. Но к этому прилагается шелковый шейный платок в сине-зеленых тонах. Подчеркивает женственность и намекает, мол, ничто человеческое нашим сотрудницам не чуждо, включая некоторое кокетство. Толково? Толково! Я прямо увидел совет директоров компании «Эль Аль», утверждающий эскизы формы: тучных сопящих умных евреев в кипах, сидящих за овальным

столом. Но это во мне парьб говорили. Я перестал пьлиться на стюардессу и — чего-нибудь обжигающего правда хотелось — попросил граппу.

— Простите, граппы нет, — извиняясь, смешно сморщила нос стюардесса.

«Что, может, ограничиться пивом?» — спросил я свой организм, но голова и желудок дружно запротестовали.

— Хм! Что бы тогда попроще? Ну а текила?

Стюардесса расцвела. Мне была немедленно выдана маленькая, на рюмку, бутылочка «Хосе Куэрво», правда, серебряной — я-то предпочитаю золотую. Стюардесса, пока я расплавился, продолжала улыбаться. Не просто дежурной улыбкой обслуживающего персонала, а вроде бы лично мне — их, наверное, этому специально обучают. Израильтянки из сефардов — привычные нам ашкенази совсем другого типа, хотя и среди них попадаются красотки, — часто бывают совершенно сногшибательны. Вот и эта стюардесса была такая: с прямым носом, глубокими карими глазами и нежного изгиба губами, не тонкими и не слишком полными, не маленькими и не слишком большими — как я люблю.

А вот Маша-то точно была не в моем вкусе. Лицо у нее правильное, но какое-то мальчишеское: короткая, почти как у меня, стрижка ежиком, уши аккуратные, но немного торчат в стороны, глаза серо-голубые, очень светлые, без бархатного рельефа, знаете, как бывает на крыле бабочки? И вообще, какое-то в ней все угловатое: скулы выпирают, щеки чуть впалые, подбородок торчит вперед — нет в нем женственной мягкости. Фигура? Тоже вроде бы ладная: длинные ноги, грудь слегка, но все же выступает. При этом, опять же,

Маша слишком поджарая, без искусительных округлостей и изгибов. И что, я тоже должен был заявить, что и она не в моем вкусе? По мне-то, и хорошо, что так, — лишние мысли не будут отвлекать от дела. Но сообщать ей об этом не обязательно: ничто не ранит людей так больно, как отсутствие сексуальной привлекательности или сомнение в ее наличии. Так что я сделал вид, будто и не заметил ее ничем не спровоцированный выпад: выпил залпом свою текилу и уткнулся в книгу. Учитывая предстоящее задание, я перед отлетом заскочил в «Барнз энд Нобл» рядом с домом, на Лексингтон-авеню, и купил там «Автобиографию йога» Йогананды.

Из Тель-Авива до Дели лететь около четырех часов. Вообще, когда вам предстоит работать в паре и тем более изображать супругов, хороший человеческий контакт необходим. Но нарываться на новые выпады я не стал. А всё, что Маша сказала мне до конца полета, было:

— Выпустишь меня?

Мы, хотя и были едва знакомы, обращались друг к другу, как полагается, на «ты».

Хотя нет! Возвращаясь на место, она мне сказала еще: «Прости». Так что это были три слова за оставшиеся три часа.

Я потому и предпочитаю работать один — или с давними партнерами типа Лешки Кудинова или того же Ромки. Но после памятной поездки в Афганистан, где я с моей полудюжиной языков оказался в положении глухонемого, Контора, заглаживая вину, решила непременно навязать мне в напарники человека, говорящего на хинди. Как будто моего английского в Индии будет недостаточно! Или как будто у меня там не будет других проблем, кроме как разбираться с капризами напарницы.

Ну ладно, всё по порядку.

Я прилетел в Тель-Авив из Нью-Йорка накануне рано утром. Лешка Кудинов с Машей ждали меня там уже сутки. А Ромка к тому моменту уже три дня как лежал в холодильнике делийского морга. Хотя нет — лучше начать с самого начала.

Итак, Ромка. Ромка Ляхов был фигурой заметной. Он был под два метра ростом, очень плотным — не атлетического сложения, а такой упитанный, мясистый. Лицом он удался не очень — нос крупный, глаза маленькие, глубоко посаженные, кожа бугристая. Говорил он неожиданно высоким для его комплекции голосом, со странными интонациями и поначалу даже производил впечатление человека заторможенного, чуть ли не умственно отсталого. Это если не прислушиваться к тому, что он говорил. Если прислушиваться, вы через считанные секунды забывали обо всех его странностях. Знаете такое выражение — «обаяние интеллекта»? Вот Ляхов был просто хрестоматийным примером.

Я сейчас пытаюсь вспомнить какой-нибудь эпизод, чтобы дать вам это почувствовать, но почему-то в голову не приходит ничего конкретного. Дело в том, что Ромка не был мастером чеканных формулировок или изречений а-ля Ларошфуко, а — я искренне верю в магию слова — именно они остаются в памяти. На самом деле он больше молчал и никогда не подавал коротких

реплик. Он ждал, пока все выскажутся, то есть когда ситуация, которая в начале разговора каждому казалось ясной, запутывалась вконец. Это как наложить один на другой несколько слайдов одной местности, снятой разными фотоаппаратами с разными объективами и под немного разными углами. Каждый добавил свой слайд, и прозрачная картинка стала мутной и темной. Вот тогда все взгляды обращались к Ляхову, и он бросал свое обычное: «Можно теперь я тоже скажу?» И начинал своим высоким, почти срывающимся голосом, как будто он очень волновался, хотя взгляд его, спрятанный под козырек белесых бровей, оставался спокойным и уверенным. И это было, как если бы он все наши слайды подгонял один под другой: какой-то укрупнял, какой-то уменьшал, совмещал контуры, убирал случайное — и мутная картинка вдруг становилась резкой. И в том видении проблемы, которое становилось нашим общим, каждый и узнавал свой кадр, и признавал то, чего не видел раньше.

Из всех нас, двадцатилетних интеллигентных мальчиков, только в Ляхове читалось блестящее будущее. Начальник аналитического управления — это как минимум. А вообще — начальник разведки. Если не всей Конторы.

Мы втроем — Ромка, Лешка и я — проходили подготовку на закрытой даче в подмосковной Балашихе. Наш тогдашний куратор — бывший смершевец, коренастый, немногословный, хитрый, с непохожей на настоящую фамилией Иванов — называл нас «три мушкетера». Однако вместе с нами четвертой готовили и мою первую жену Риту. Когда я обратил внимание Иванова на это несоответствие, он только бросил: «Дюма вообще за скобкой оставил главного героя! Небось не глупее тебя был».

Лесная школа — будущий Институт имени Андропова — была по соседству с нашей дачей, но там готовили разведчиков, которым предстояло работать под прикрытием: в посольстве, в торгпредстве, корреспондентами... А из нас готовили нелегалов — людей с выдуманными биографиями и поддельными паспортами. Почему к нам затесался и Ромка? Было же ясно, что его работа, работа аналитика и руководителя сложных операций, — кабинетная. Наверное, потому что он сам этого хотел, а высокие начальники — которые прекрасно понимали, чего Ляхов стоит, — во имя того же блестящего будущего решили дать ему понюхать пороху. Чтобы он на своей шкуре знал, каково работать в поле.

Однако все получилось не так, как нам тогда виделось.

Рита погибла четыре года спустя в Сан-Франциско, я перебрался в Нью-Йорк, основал преуспевающее турагентство и женился на Джессике. Это я так легко, скороговоркой, об этом говорю. А на самом деле я от смерти Риты с детьми так и не оправился, и неизвестно, приду ли вообще когда-нибудь в норму.

Лешка Кудинов лет пятнадцать с успехом работал в разных странах, пока чуть не погорел в Лондоне, где судьба свела нас на одной операции. Так что теперь Лешку использовали на небольших разовых заданиях тоже под чужим именем — это называется «нелегал Центра».

Ромку же забросили в ФРГ под видом эмигранта по еврейской линии. Вряд ли он сам принадлежал к маленькому гонимому племени, хотя внешность у него была экзотической и подходила под любую более или менее восточную национальность. Просто тогда евреев

в КГБ старались не брать. И это притом, что в золотой век советской разведки, между двумя войнами, евреев в ней было больше, чем сейчас в «Мосскаде».

Однако после окончания подготовки Ляхов женился на профессорской дочке Лине Вольдман. Ее отец вел класс альта в Московской консерватории, но, несмотря на это, сама Лина училась на дирижерско-хоровом в Институте имени Гнесиных. В консерватории, как она считала, по ее специальности учиться было не у кого. Эта деталь, наверное, незначительна — я просто говорю всё, что помню, а про Лину я помню совсем немного. Короче, Ромка с Линой поженились, хотя особых нежностей между ними мы не наблюдали даже в их медовый месяц. Не буду врать — мы об этом с Ляховым никогда не говорили, — я не знаю, сыграла ли какую-либо роль в этом браке Контора. Если да, то снимаю шляпу — подобрать пару столь странному существу, как Ромка, было непросто. Разобраться в этом вопросе — если предположить, что он меня почему-либо вдруг бы заинтересовал, времени не было. Мы с Ритой уехали на Кубу, где нас готовили для заброски в США под видом кубинских диссидентов, а Ромка с Линой, значит, якобы эмигрировали по еврейской линии.

Официально в Израиль, но до него они тогда не доехали. С перевалочного пункта в Вене они перебрались в Германию, в Ганновер, — тоже не знаю, насколько во всем этом участвовала Контора. Возможно, и участвовала. Немецкий у Ромки был блестящий: отец у него был военным, и он дважды лет по пять жил в ГДР и ходил сначала в немецкий детский сад, а потом в немецкую школу. В Ганновере Ляхов — он оканчивал юридический — устроился в адвокатскую контору: поначалу по найму, но очень скоро стал партнером. Кстати

сказать, в той же самой адвокатской конторе — я видел ее: белый особнячок в ряду таких же аккуратных городских вилл напротив лесопарка — работал поверенный по имени Герхард Шрёдер, ну, пока его не избрали канцлером ФРГ. Не знаю, опять же, насколько это было совпадением или же и здесь прошла рука Конторы. Да и вообще, я не уверен, что Шрёдер работал там одновременно с Ромкой, но сам факт любопытен.

Ромка сломался после августа 91-го. Для меня распад СССР, смена строя и чистка КГБ прошли как-то стороной. Я тогда уже ощущал себя американцем. Конечно, если бы Рита с детьми были живы, мое отношение, наверное, было бы другим. Но к тому времени я был женат на американке, у нас рос Бобби, Контора дергала меня все реже, и я даже надеялся, что со всеми революционными потрясениями такую незначительность, как я, вообще оставят в покое. А Ляхов был ближе к Москве, с началом перестройки стал часто гонять туда по адвокатским делам и принимал всё близко к сердцу.

Короче, зимой 92-го, сразу после ликвидации СССР, Ромка — он тогда уже был подполковником и имел с полдюжины разных наград — попросился в отставку. Контора таких вещей не приветствует: люди, сто раз проверенные и потому доверенные, знают очень много и остаются на службе до конца своих дней. Ляхова вызвали в Лес, уговаривали, его принял сам Примаков, но наш друг проявил непреклонность, которая для людей, хорошо его знающих, неожиданностью не была. В общем, его отпустили.

А дальше он с женой предпринял шаги, которые в Конторе не поняли, и у меня по этому поводу был целый ряд разговоров с нашим общим куратором

Эсквайром. Ромка с Линой продали свой загородный дом под Ганновером и перебрались в Израиль. Зачем нужно было из благополучной страны уезжать в окопы? Вопрос! Вопрос не только для меня. Контора подозревала, что Ромку перевербовал «Моссад». Я же убеждал Эсквайра, что Ляхов просто заметал следы. Они с Линой сохранили немецкое гражданство, так что они всегда могли уехать со своей, уже третьей по счету, родины, режим в которой местами успешно соревновался с советским. Однако объединение Германии и открытие архивов Штази — а Ромке пришлось участвовать в одной, а может, и не в одной операции совместно с разведкой ГДР — висели над ним как дамоклов меч. Многопроцессорный компьютер, каким был Ляхов, не мог не просчитать этот риск.

Хотя, возможно, ближе к истине, как в итоге часто получается, все же был не верящий в человеческие чувства, хотя и отнюдь не лишенный их, Эсквайр. Иначе вряд ли четыре дня назад Ромку нашли бы застреленным в одной задрипанной гостиничке Старого Дели.

Знаете, о чем я думаю, когда знаю, что скоро снова увижу Лешку Кудинова? Это глупо, но я предвкушаю, как мы с ним напьемся! Лешка, наверное, мой единственный оставшийся друг в этой жизни. Я не говорю про мою жену Джессику, а также про ее маму, Пэгги, с которой у нас душевная, духовная, интеллектуальная и эстетическая близость почти такая же. Я не говорю про мою маму, которая живет в закрытом дачном поселке под Москвой и с которой мы видимся раз в год-два. Я не говорю про кучу моих симпатичных знакомых, интеллигентных и не очень, не только в Нью-Йорке, но и разбросанных по всему миру. Это всего лишь знакомые и приятели. Я не говорю про женщин, с которыми я был близок — хотя, как правило, коротко. Все эти люди обо мне чего-то не знают — в сущности, не знают главного. И это включая мою теперешнюю жену. Так что какая-то часть меня всегда настороже и готова вскочить, как вскакивает без тени сна в глазу только что мирно посапывавший пес.

А Лешка знает обо мне всё. Мы видимся с ним раз в пару лет, но с ним я могу целиком быть самим собой. Пить нам с ним, в общем-то, необязательно — если смысл этого процесса состоит в том, чтобы постепенно снимать запоры и стопоры с собственного сознания. Даже встретившись после двух-трех лет разлуки, мы

с ходу оказываемся в точке расставания, как если бы кто-то из нас просто выходил за сигаретами. Зачем тогда мы с ним непременно напиваемся? А бог его знает.

Но момент этот я предвкушаю. И когда со мной связывается Контора, я всегда надеюсь, что судьба снова сведет нас с Кудиновым.

С тех пор как уже лет двадцать меня курирует Эсквайр, обращение со мной предельно обходительное.

Они однажды знаете что учудили? Это было уже после смерти Риты и детей, я только-только перебрался в Нью-Йорк. Я вышел однажды из дома — я снимал крохотную квартиру из единственной длинной, как кусок коридора, комнаты около Геральд-сквер — и обнаружил на стене напротив крест, нарисованный розовым мелом. Это означало, что в мою ячейку в камере хранения на Пенсильванском вокзале что-то положили. Я, естественно, сразу пошел проверить. Так вот, в боковом отделении моей сумки я обнаружил авиабилет в Западный Берлин через Франкфурт. Мол, садись, как велено, на самолет и лети, дальнейшие инструкции получишь, когда мы сочтем нужным!

Я, хотя и занимал тогда одну из низших ступеней иерархии — я был, наверное, старшим лейтенантом или капитаном, — находился в таком состоянии, что чем хуже, тем лучше. Так что я не только никуда не полетел, но и перестал отвечать на вызовы Конторы. Пусть ищут себе других шестерок! Кончилось это тем, что ко мне отрядили Лешку Кудинова. Помню, как сейчас, мы в тот раз надрались с ним в японском ресторане где-то в районе Бродвея и 40-х улиц, выпив десятка полтора кувшинчиков с очень быстро остывающим саке. Что он потом устроил в Москве, я не знаю, но мне сменили куратора — тогда-то и появился Эсквайр — и перевели

на мой счет уже второе по счету «наследство», на которое я открыл свое турагентство для очень состоятельных людей Departures Unlimited.

С тех пор то ли потому, что Эсквайр (я про себя зову его Бородавочником — у него по лицу рассеяно несколько крупных и очень крупных родинок) — другой человек, то ли просто надо один раз непременно взбрыкнуть, чтобы тебя уважали, но Контора ведет себя по отношению ко мне с предельным политесом.

С моим нью-йоркским связным Драганом мы встречаемся очень просто. Драгана я перетащил в Нью-Йорк после моей самой трагической операции в Югославии в 1994 году, когда погиб мой главный учитель в жизни Петр Ильич Некрасов. Драган — серб из Черногории, который, в сущности, спас мне жизнь. Это отдельная история, я ее как-нибудь обязательно расскажу. А пока вот чем мне удалось ему отплатить.

Я послал Драгану спонсорский вызов — он жил тогда у брата в Белграде, — и ему за пару месяцев оформили американскую визу. Работу моему спасителю я присмотрел уже давно. Но... Но тогда я должен сначала рассказать про наш дом.

Мы с Джессикой и нашим сыном Бобби живем на 86-й Восточной улице, почти на углу Пятой авеню. До Центрального парка идти буквально минуту — мы там выгуливаем нашего кокера Мистера Куилпа. Несмотря на фешенебельность квартала и соседей-миллионеров, наше восемнадцатизэтажное здание, построенное в 1923 году, достаточно скромное. В нем раньше была гостиница, а потом ее купили другие люди и перестроили под доходный дом. Однако гостиничная архитектура дает себя знать — это настоящий лабиринт, ориентироваться в котором можно лишь благодаря инструкциям

жильцов. И все равно в этих урбанистических джунглях из трехсот пятидесяти квартир иногда встречались заблудившиеся сограждане или забредшие с улицы наркоманы. Кончилось это тем, что на восьмом этаже изнасиловали сорокапятилетнюю мать троих детей. Тогда-то я и предложил воспользоваться услугами сербов. И теперь у нас в доме полный порядок, как в Форт-Ноксе. Посетителя не только не пустят дальше холла, но, не получив полной информации, оттуда и не выпустят.

Ну вот пример. Одному знакомому японцу, заехавшему за мной, чтобы вместе отправиться по делам в Филадельфию, пришло в голову, по национальной традиции, запечатлеть фасад нашего дома на видеокамеру. Из подъезда немедленно выскочил привратник — это был не Драган, а один из его теперь уже семи или восьми родственников и друзей. Несмотря на то что японец объяснил невинность своих намерений и назвал мое имя — имя всеобщего благодетеля изгнанных из родных домов славян, — он под угрозой немедленного вызова полиции, а до тех пор насильственного задержания был препровожден в холл. Задержись я на пару минут, разбираться мне пришлось бы уже с дежурным патрулем. И притом, что жильцы постоянно сталкиваются с такими законами военного времени, никто и не думает роптать, особенно после 11 сентября. Жесткий порядок предпочитают либертарианскому хаосу даже пацифисты, правозащитники и представители сексуальных меньшинств — а в нашем доме живут и те, и другие, и третьи.

Короче, эра порядка на территории одного дома установилась как раз с приездом моего Драгана. Конечно, такая самодеятельность вызвала в Конторе множество возмущенных криков. Подумайте только:

глубоко законспирированный нелегал оформил вызов в Штаты нашего же агента и устроил его на работу в собственном доме! Понятно, этот агент спас ему жизнь, но его же уже наградили за это орденом Мужества. Даже Бородавочник при очередной встрече в Москве пробурчал что-то о гипертрофированном чувстве благодарности. Однако мне без труда удалось убедить его, что, даже если кто-то из нас двоих попадет под подозрение, столь открытый и официально подтвержденный контакт вряд ли станут проверять всерьез. Это тот случай, когда очевидная глупость срабатывает лучше самых изощренных интеллектуальных комбинаций.

Но все это — опять предыстория. Это потому что я вспомнил про Драгана. Так вот, три дня назад он позвонил снизу и сказал, что готов подняться и заменить прокладку в кране — а эти сербы, как многие свежие эмигранты, мастера на все руки. Драган поднялся — я в квартире был один — и, поскольку кран и не думал течь, просто дал мне свою флешку. Я тоже недавно приобрел себе такую штучку, которую молодежь носит на шее и в которой хранится вся ваша жизнь: и тексты, и программы, и фотографии, и даже любимая музыка. Я скачал в свой ноутбук предназначенный мне файл и стер его с флешки — не только из каталога, но и физически. По общеславянской традиции, несмотря на столь же робкие, сколь и лицемерные протесты Драгана, я налил ему рюмку граппы: ракия (которой тот же Драган меня и снабжает) у меня кончилась. Пришлось налить и себе тоже: иначе это могло бы выглядеть покровительственно и высокомерно. Мы торжественно, с осознанным чувством солидарности всех славян, выпили за здоровье друг друга, и Драган откланялся.

А я развернул закриптованный файл и прочел следующее: «Выхухоль убита в Нью-Дели. В случае согласия провести расследование. Встреча с Джойсом в Тель-Авиве во вторник. Сообщите рейс обычным порядком».

Выхухоль — это кодовое имя Ромки. Здесь опять напрашивается отступление. Псевдонимы мы выбирали себе сами. Ромка предложил для себя Кашалот — он на свою комплекцию смотрел с юмором. Однако общее правило такое — кличка ни в коем случае не должна отражать реальность. Если где-то расшифруют имя Старик — это на самом деле непременно окажется молодой человек. С возрастом, если он не перестанет быть агентом, его кодовое имя поменяют. Или если агент по профессии архитектор, его назовут Садовник или Проктолог, но даже не Художник. Так что Кашалота предложили заменить на зверя помельче, и так Ромка придумал себе другое странное прозвище: Выхухоль. Нас всех это сначала немного коробило, но потом привыкли.

Лешка придумал себе псевдоним Джойс. Он всегда был похож на английского денди: и небрежностью манер, и отстраненностью от условностей, и экстравагантностью поведения. Он склонялся к псевдониму Уайльд, но я поколебал его в этом намерении намеками на известную особенность его кумира, которую Лешка с ним не разделял. А потом я как-то рассказал ему историю о том, как другой великий ирландец, будучи еще никому не известным юношей, проходил без билета в театр. Он устремлялся ко входу и, не останавливаясь, бросал растерявшемуся билетеру: «Я Джойс!» Лешке эта самоуверенность так понравилась, что Уайльд был вынужден уступить соотечественнику.

Вообще считается, что псевдоним, когда агент придумывает его сам, говорит о человеке очень много. Если

вы завербовали, например, француза и он просит дать ему имя Роже или Дюран, толку от него не жди. Человек без фантазии ничего дельного не совершит. А вот если этот агент, зная собственную обстоятельность, предложит звать его Махабхарата или, потому что он подозрителен, — Фуке, он, скорее всего, авантюрист с воображением. К тому же образованный, а такие для нашего дела лучше всего.

Я никак не могу перейти к делу. В общем, когда я получил сообщение об убийстве моего старого друга Ромки, раздумывать мне было не нужно. Одно автоматически влекло за собой другое: тебя бьют — ты даешь сдачи.

Свои решения я принимаю сам, но согласовываются они с тремя женщинами. Первая — моя жена Джессика.

Джессика работает в небольшом нью-йоркском издательстве, специализирующемся на новейшей истории. Она там, как это называется, директор коллекции. На нормальном языке это означает, что она готовит к печати воспоминания бывших шпионов, а также исторические исследования по работе спецслужб, которые, как бы они от этого ни отреклись, пишут в основном всё те же бывшие шпионы. Если меня когда-нибудь поймают на том, что я подозрительно хорошо осведомлен в этой области, я всегда могу сослаться на то, что я, интереса ради, иногда читаю рукописи, над которыми работает моя жена.

Джессика встает в половине седьмого, готовит Бобби завтрак и отводит его в школу. Потом опять залезает в пижаму и ложится в постель. Иногда ей удается снова заснуть, иногда нет. Тогда она включает лампу — в нашей спальне окно выходит во двор-колодец, и там

всегда не хватает света, — подпихивает под спину подушки, вооружается ручкой и берет с тумбочки очередную пачку листов. Когда я вспоминаю наши разговоры с женой, как правило, они происходят именно так: я просыпаюсь, тянусь поцеловать ее, иногда наши поцелуи затягиваются, и тогда разговор происходит после, а иногда я просто пристраиваюсь к ней на подушку.

— Я знаю этот твой взгляд, — заявила Джессика, едва посмотрев на меня. Три дня назад я просто пристроился к ней на подушке. — Ты опять куда-то намылился!

Джессика говорит об этом своим обычным, всегда чуть сонным голосом. В нем нет ни тени агрессивности («Вот, ты снова оставляешь дом на меня!») или подкалывания («Знаем мы, почему ты так рад от меня уехать!»). Вообще, я женился на ангеле — рыжеволосом, веснушчатом, синеглазом ангеле ирландского происхождения. У Джессики, правда, бывают свои заклинания, и тогда сломить ее волю невозможно. Но мне на это жаловаться грех — мы с ней поженились именно в результате такого заклинания по отношению к воле ее отца, принадлежащего к элите элит — профессуре Гарварда. Так что блокировки, которые направлены против моих желаний, я сношу со столь же ангельским терпением.

— У меня такой взгляд, потому что мне не хочется уезжать от вас, — говорю я, перелезая под ее одеяло.

Что правда! Но отчасти.

— И на сколько на этот раз? И куда?

Да? Сам факт моего предстоящего отъезда не оспаривается — лишь высказывается сожаление по поводу моего отсутствия. Ангел!

— В Израиль. Хочешь со мной?

Вы понимаете, почему моя жизнь иногда кажется мне невыносимой? Я практически не говорю правды. И это — в отношениях с самым близким человеком.

Потому что, разумеется, Джессика и не догадывается, что я работаю на Контору. Для нее я — кубинский эмигрант, приехавший с семьей в Штаты, когда в 1980 году Фидель Кастро на время открыл границы. Мы познакомились с ней где-то через полгода после того, как в перестрелке в ресторане погибли моя жена и наши еще совсем маленькие двойняшки. В ту пору я и окружающий меня мир существовали совершенно отдельно друг от друга. Я тогда ничего не знал о посттравматическом стрессовом расстройстве, но, прочтя несколько лет назад книгу одной австралийки, страдающей этой болезнью, я нашел в себе того периода все без исключения симптомы. Так вот, если меня удалось вернуть к нормальной жизни, заслуга эта принадлежит Джессике. Ну, если точнее, сначала Пэгги, ее маме, а потом Джессике. А я плачу за это своей жене повседневной ложью, но какие у меня варианты?

Ну вот взять хотя бы этот пример. Я собираюсь в Индию, но говорю жене, что еду в Израиль. Почему? Потому что между страной, в которой ты живешь, и той, в которой ты собираешься работать, лучше всегда оставлять прокладку. В эру мобильных телефонов локализовать тебя в определенной точке земного шара для ничего не подозревающих непрофессионалов совсем непросто. Так что для Джессики я все это время буду находиться на Святой земле.

Однако в том сообщении Конторы Израиль упоминается не только в качестве буфера. Эсквайр наверняка разработал для меня очередную легенду и подготовил соответствующий паспорт — израильский.

Вторая ложь с моей стороны еще более отвратительна. Джессика любит путешествовать вообще и тем более в компании со мной. Мы проделываем это — а то и вместе с Бобби — настолько часто, насколько получается, раза два-три в год. Потому что у мальчика школа, да и пса надо отвозить в Хайаннис-Порт к его, как мы называем, бабушке, то есть к моей теще Пэгги. Но если я не предложу Джессике поехать со мной, она может подумать, что у меня на то есть причины, как она говорит, горизонтального свойства. Пару раз, когда я вот так, отправляясь на задание, предлагал ей поехать вместе, она ловила меня на слове, но мне всегда удавалось выкрутиться.

Я сказал Джессике, что поеду готовить новый тур по святыням иудаизма. Дело в том, что наши основные клиенты — образованные и, хотя и очень богатые, благочестивые нью-йоркские евреи.

— Ну хорошо! — заключила Джессика, целуя меня куда-то в подбородок. — Постарайся поменьше бывать в городах. На пустыню им пока взрывчатки жалко.

И всё! Никакого женского кудахтанья по поводу террористов, опасности общественных мест, остановок автобусов и близости израильских солдат. Ангел!

Вторая женщина, занимающая значительное место в моей жизни, — Элис. А по времени, которое мы проводим вместе, она, наверное, даже первая. Более того, я всеми силами пытаюсь сопротивляться тому, чтобы не бывать с ней еще чаще. В сущности, это главный недостаток Элис: устоять перед ее чарами практически невозможно.

Сколько она уже у меня работает? Шесть лет? Вот представьте себе! Шесть лет у вас перед глазами роскошная молодая и одинокая мулатка — длинноногая,

с гибким телом, мордашкой, как у Уитни Хьюстон, кожей цвета молочного шоколада, с дипломом Нью-Йоркского университета, знанием четырех иностранных языков, приветливая, забавная и очень эффективная в работе. Кто все это может выносить, не давая воли инстинкту собственности?

Вот она протискивается к стеллажу за моим креслом, достает оттуда папку, протискивается обратно, задевая мое плечо затылком в джинсы бедром, в котором нет ни одной лишней клетки, а потом замирает у моего стола. Пока она говорит, я вижу полоску ее упругого шоколадного живота между джинсами и какой-то маечкой, вижу ее пупок с торчащим в нем серебряным колечком, слышу ее низкий, влажный, волнующий не меньше, чем ее тело, голос.

Я долгое время подозревал Элис, что она все-таки ко мне приставлена. Ну не может такая девушка, которая могла бы стать супермоделью, терять время в офисе хотя и процветающей, но все же очень небольшой компании с практически отсутствующими перспективами карьерного роста. Потому что при очень приличном обороте нашего турагентства, тяготеющем к десятку миллионов долларов в год, штатных сотрудников в нем двое — Элис и я. Джессика, хотя и является вместе со мной соучредителем и, соответственно, совладельцем Departures Unlimited, практического участия в работе не принимает. А остальных нужных людей — искусствоведов и историков, сопровождающих наших образованных состоятельных клиентов по очагам культуры всего мира, а также скалолазов, спелеологов, дайверов и прочих экстремалов, берущих под свое крыло пресыщенных состоятельных клиентов, — всех этих людей мы просто нанимаем под конкретный проект. Так

что карьерных возможностей у Элис ровно две: оставаться на своем месте или попытаться занять мое.

Есть и третий вариант — создать такое же собственное агентство. У Элис для этого есть всё: умение, опыт, контакты. Она-то справится, вот только где мне искать новую помощницу? Чтобы этого не случилось, я постоянно повышаю и ее зарплату, и ее статус. А в прошлом году я просто сделал Элис младшим партнером — мы с Джессикой подарили ей десять процентов акций. Джессика, разумеется, отнеслась к этой моей затее не без подозрения. Ей, как и мне самому, до сих пор непонятно, как это между Элис и мною по-прежнему сохраняется дистанция — социальная и физическая. Однако малейшее изменение в наших отношениях она просекла бы мгновенно, еще до того, как оно произошло бы, так что долго убеждать ее не пришлось.

Забавно, но новый статус Элис в агентстве немедленно отразился на тоне наших разговоров.

Пример. Вот пару дней назад — точно, позавчера это было — я сообщаю Элис, что уеду дней на десять в Израиль. Якобы чтобы самому проверить маршрут, по которому нам скоро отправлять короля готовой одежды Сохо по имени Соломон Мойн и его не менее пожилого, толстого и почтенного супругу Гиту. Это наши постоянные клиенты, довольно милые, хотя и из старого мира, с которыми мы (пока еще мы с Джессикой, без Элис) обязательно обедаем дважды в год после их возвращения из путешествий.

— Хм, у нас же иудейские древности были обкатаны бог знает когда, — говорит Элис.

Это правда. По этому маршруту мы отправили уже десятка два — да куда там, с полсотни — клиентов.

Разница в том, что теперь целесообразность решения босса ставится под сомнение. Раньше Элис спросила бы просто, на какое число заказать мне билет, какие гостиницы, где, когда — что-нибудь такое.

— Именно поэтому, — ровным голосом говорит шеф Элис. — Спектакль, который идет каждый день, какое-то время становится лучше, а потом разбалтывается. Нам надо придумать что-то новое. А то они соберутся на Хануку, а воспоминания у всех одни и те же.

Хотя какого черта я оправдываюсь?

— Может, тогда это лучше сделать человеку со свежим взглядом?

Так, впроброс! В смысле, посиди сам в офисе, а проветриться поеду я. Но в этом скрытом упреке тоже есть доля правды. Мне надо почаще посылать на разведку и обкатку Элис — она справится с делом не хуже меня. Но где мне найти такую же толковую ассистентку в офисе? Вечный эгоизм боссов: вот так, думая придергать лучших работников, они их и теряют.

— Кстати, — как бы раздумывая на ходу, протягиваю я. — Тебе нужно подумать, где найти человека, который сможет заменить тебя в офисе. Не целиком, разумеется. Но так, чтобы снять с тебя бóльшую часть технической работы.

Это для Элис нечто новое. На самом деле ее карьерный рост заключается в этом: новые обязанности, новые горизонты. На шоколадной мордашке проявляются все признаки радостного смущения: рот раскрывается в полуулыбке, глаза вспыхивают, но тут же опускаются вниз. Белая женщина еще бы и зарумянилась, но у мулаток, по моим далеко не исчерпывающим наблюдениям, от удовольствия цвет лица заметно не меняется. От страха, когда белые бледнеют, люди с черной кожей

становятся серыми — я это наблюдал, — а вот на радость кожа реагирует мало. Так что Элис только обнажила в улыбке примерно двадцать восемь из тридцати двух ровных белоснежных зубов.

— Это такое повышение? — бесцветным голосом уточняет она.

— Это такая производственная необходимость. Сама знаешь: заказов всё больше. Я скоро перестану справляться — нам так и так придется расширяться.

— Так я буду кого-то подыскивать?

Ей нужно подтверждение. Цену моему слову она знает — ей не нужна подпись на формальном обязательстве, — но Элис хочет быть уверена, что я запомню это так же хорошо, как и она.

— Я, по-моему, выразился предельно ясно, — развожу руками я.

Элис немедленно вооружается своим блокнотом.

— Так, на когда билет и где ты будешь жить?

В английском языке эта разница неуловима, но, по-моему, у нас произошло еще одно изменение. Мы всегда говорили друг другу Элис и Пако, однако при этом мне казалось, что я с ней — на «ты», а она со мной — на «вы». Так вот, теперь мне это больше не кажется.

Выполнив свои пока еще прямые обязанности, Элис, покачивая бедрами — они у нее стройные, и походка как-то по-восточному соблазнительна, — выходит из моего кабинета. Вот чего мы точно делать не будем, так это ездить куда-то вдвоем. Как и у всякого металла, у легированной стали, из которой сделана моя воля, есть свой порог прочности.

Только что закрывшаяся дверь тут же приоткрывается, и в проеме возникает очаровательный шоколадный

профиль с чуть вздернутым тонким носиком и слегка выпяченной нижней губой.

— Я не подаю вида, — говорит Элис, — но на самом деле я все это очень ценю.

И, не дожидаясь моей реакции, закрывает дверь.

Я потом подумал и отпустил Элис в отпуск на время своего отсутствия. Иначе она будет звонить мне по делам по пять раз в день.

Есть еще одна женщина, для которой моя жизнь имеет значение. Я часто думаю — думать ведь свободному человеку не запретишь, — что, не будь у меня Джессики, я мог бы быть счастлив с Элис. И точно так же я знаю, что моя жизнь была бы не менее полной рядом с Пэгги.

Пэгги — это мать Джессики, соответственно, моя теща. Она, конечно, старше меня на девять лет, но где-то сразу после сорока — собственно, столько ей и было, когда мы познакомились, — время перестало испытывать на ней свою власть. В сущности, теперь, когда и Джессике уже под сорок, они выглядят как две сестры. Надеюсь, эта особенность матери генетическая и передастся ее дочери.

Учитывая наши общие возможности — скидки на всё Departures Unlimited и собственное состояние моей тещи, Пэгги при желании могла бы путешествовать круглый год. Она и делает это, только по-своему. И летом и зимой каждое утро, почти без исключения, она садится за мольберт в своем зимнем саду и встает только к вечеру, когда выкурит пачку сигарет и проголодается. Выставлялась Пэгги редко — две-три персональных выставки за всю ее карьеру художницы, — при этом картины ее ценятся очень высоко. Есть такие музыканты, которые почти не выступают, а диски их

раскупаются во всем мире как свежеиспеченные булочки.

Кстати сказать, в этом есть и моя заслуга: большинство наших клиентов озабочено не столько тем, как истратить деньги, сколько, как их сохранить. Так что живопись Пэгги есть в самых престижных частных коллекциях не только Нью-Йорка, но и других городов и даже стран. Можно предположить, учитывая обычную судьбу таких коллекций, что скоро на них можно будет полюбоваться и в Метрополитен. Я как-то даже обижаюсь на этот музей, в официальной, доступной лишь для избранных, группе друзей которого я состою уже много лет. Пусть бы сами по себе купили одну из картин Пэгги! Хотя это скорее моя вина. Надо как-нибудь устроить вечеринку для попечителей и сотрудников музея, чтобы они посмотрели на эти работы, которые у нас висят во всех комнатах. Квартирка, правда, маловата. Кстати, об этом тоже давно пора подумать.

Один из пейзажей Пэгги как раз висел у меня перед глазами, когда я ей позвонил. Заросли какого-то речного растения — типа камыша, с метелками. Все эти сочные, ярко-зеленые мясистые стебли шевелятся, колышутся кто куда. Но не под дуновением ветра — тогда бы они отклонялись в одну сторону, — а потому что в темной воде смутно угадывается косяк больших рыб, которые проплывают сквозь тесно растущие камыши и задевают стебли своими толстыми боками с крупной зеркальной чешуей. Картина называется просто, «Штиль», но на самом деле это образ нашего подсознания, из-за которого и при отсутствии ветра мы находимся в постоянном движении.

— Маргарет Фергюсон!

— Франсиско Аррайя!

Это наша игра. Пэгги, как и все, зовет меня Пако, но не во время традиционного телефонного приветствия.

— Как погода на море? Что нового выкинули соседи?

Пэгги живет в Хайаннис-Порте, на берегу океана. Ее соседи слева — семейство Кеннеди, которые регулярно приезжают в свое имение, занимающее огромный участок с несколькими особняками. Кеннеди, конечно, ничего не выкидывают — их заботит в основном, как остаться незамеченными.

— Представь себе, — рассказывает Пэгги, зная, как я обожаю ее наблюдения за повседневной жизнью, — пару дней назад я у пляжа видела Арни. Еду я на своем «остине», а впереди стоит огромный черный джип. Я поравнялась с ним — за рулем Шварценеггер собственной персоной.

Мы с Кеннеди, разумеется, не общаемся, но, как и многие, знаем, что Шварценеггер женат на тележурналистке Марии Шрайвер, племяннице президента Джона Кеннеди. Так что его появление в Хайаннис-Порте не удивительно.

— И что он делал в джипе?

— Он, как мне кажется, заметил на берегу папарацци и размышлял, двигаться ли ему дальше или вернуться домой.

— Тебе надо было самой его щелкнуть, чтобы жизнь не казалась ему малиной.

— У меня не было фотоаппарата. Но я ему помахала рукой, и он помахал мне в ответ. Как ты думаешь, это засчитывается за автограф?

— При двух нотариально заверенных свидетельствах, — авторитетно заявил я и сразу перешел

к делу. — Я тут еду на землю наших всеобщих праотцов. Тебе ничего конкретного там не может понадобиться?

— Хм. Надо подумать. Да нет! Все полезные вещи у меня есть, а про остальные ты всегда знаешь лучше. И потом, я люблю сюрпризы. Но все равно, спасибо, что спросил.

— Это тебе спасибо, что ты обо мне такого хорошего мнения.

Мы, если никто из нас не торопится, можем болтать так ни о чем полчаса, пока Пэгги не спросит наконец о своей дочери и внуке. Странно? Ничуть! Мы с Пэгги интересны друг другу независимо от других людей, даже самых близких — ну, по крайней мере, для меня это так.

Но тут я оторвался от своих приятных воспоминаний и посмотрел на Машу, сидящую у иллюминатора с ворохом русскоязычных израильских газет. И что, она полагает, что я в этой жизни обделен женским вниманием и участием? Да за кого она себя принимает?!